

Кутафья башня. Кремль с запада. 1930 г.

«ВОТ ИЗ АРХИВА ПЛЯСУНЫ»

**ЗДАНИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БИБЛИОТЕКИ** (Воздвиженка, 3) строилось по проекту
архитекторов В. Гельфрейха и В. Щуко с 1928 по 1958 годы.

Официально улица Арбат находится между Арбатской и Смоленской площадями. Но это лишь официально. А фактически Арбат берет начало от Кремля, от низенькой и коренастенькой Кутафьей башни: некогда нынешняя улица Воздвиженка тоже носила гордое название Арбат. Ее переименовали лишь в семнадцатом столетии — в Смоленскую (название «Воздвиженка» возникло много позже).

Первая достопримечательность — бывшая Ленинка, а ныне — РГБ (Российская государственная библиотека). Впрочем, многие так по сей день ее по старинке величают Ленинкой. Ни в коей мере, разумеется, не декларируя свои пристрастия к учению и идеям Ленина — просто название давно уж отделилось от фамилии вождя большевиков и выстроило свою собственную биографию.

А до Ленинки на этом месте помещалось здание главного архива Министерства иностранных дел, одного из престижнейших учреждений дореволюционной Москвы.

Этот архив был с историей. Один из его сотрудников, А. Кошелев, писал: «Архив прослыл сборищем блестящей московской молодежи, и звание “архивного юноши” сделалось весьма почетным».

Все началось при Павле Первом.

Дело в том, что издавна в среде российского дворянства было заведено с рождения отдавать детей в престижные полки. Парень еще под стол пешком ходил, а уже обладал приличным офицерским чином. Нужно это было для того, чтобы, когда придет момент действительно идти на службу, звание было таким высоким, чтобы вместо тягот и лишений получать одни лишь удовольствия.

Император же решил этому делу положить конец. Д. Н. Свербеев вспоминал: «Павел в первые дни своего царствования потребовал списки, и сержантов гвардии, находившихся дома в отпуску, оказалась целая тысяча, если не более. Всем им было велено явиться в Петербург на смотр императору. Можно себе представить великий страх батюшек и матушек, бабушек и мамушек вести грудных или ползающих детей на смотр Павлу. Государю доложили о такой невозможности, и он одним почерком пера всех их выключил, но в гражданскую службу долго еще записывали семилетних...»

Тогда заботливые папеньки и маменьки нашли выход из ситуации: они стали пристраивать своих любимых отпрысков в архив. Служба непыльная и, кроме того, неплохой старт в дипломатической карьере.

Зачисление в архивисты было настоящим праздником, увы, доступным далеко не каждому. Писатель М. А. Дмитриев с

восторгом вспоминал: «Когда мать моя была еще очень молода и жила в Саратове, у ней была там приятельница Анна Петровна Левашова... Узнавши обо мне, т. е. о существовании сына ее молодой подруги, она вздумала оказать ей знак своей любви и памяти и записала меня в 1805 году марта 8-го в московский архив иностранной Коллегии, куда меня приняли архивариусом, чином 12-го класса. Вдруг получена была на почте маленькая шпажка и уведомление об этом от дяди. Все были в восторге и решили тотчас сшить мне мундир... У дяди Сергея Ивановича были пуговицы с гербом Лифляндской губернии; на первый случай сделали мне зеленый мундир с красным казимировым воротником и с этими пуговицами. Потом, когда получили известие о настоящей форме, сшили мне другой, с черным бархатным воротником и посеребренными пуговицами, который мне, однако, не так нравился, как прежний, потому что тот, с красным воротником, был похож на военный. Таким образом, по большим праздникам я ходил к обедне и щеголял дома в мундире. Потом именным указом от 24 февраля 1806 г. я был уволен в отпуск, “до окончания наук”, как было сказано в указе, т. е. до окончания курса учения».

Неудивительно — Дмитриеву в это время было только девять лет.

Архив сразу же изменился до неузнаваемости. Один из его сотрудников, Ф. Вигель, так описывал свое место работы: «По разным возрастам служивших в нем юношей и ребят можно было видеть в нем и университет, и гимназию, и приходское училище; он был вместе и канцелярия, и кунсткамера. Самая ранняя заря жизни встречалась в нем с поздним ее вечером;

семидесятилетний надворный советник Иванов сидел близко от одиннадцатилетнего переводчика Васильцовского; манерные, раздушенные Евреиновы и Курбатовы писали вместе с Большаковыми и Щученковыми, которые сморкались в руку. Подле князя Гагарина и графа Мусина-Пушкина, молодых людей, принадлежавших к знатнейшим фамилиям в Москве, вы бы увидели Тархова, в старом фризовом сюртуке, того уroda, который наделял нас работой и, во мзду своей снисходительности, выпрашивал у нас старое исподнее платье и камзолы».

Одних только князей Голицыных в те времена было четырнадцать персон.

Большинство «архивных юношей», конечно, не изобретали пороха. Все тот же Вигель сообщал: «По большей части все они, закоренелые москвичи, редко покидают обширное и велико-лепное гнездо свое и преспокойно тонут или потонули в неизвестности. Ни высокими добродетелями они не блистали, ни постыдными пороками не запятнались; если имели некоторые странности, то общие своему времени и месту своего жительства».

А исключения можно было, что называется, пересчитать по пальцам.

Конечно, работы на всех не хватало. Ее приходилось выдумывать. Н. И. Тургенев писал: «Вчера был я в Архиве и занимался перетаскиванием столбцов из шкапов в сундуки. Какой вздор! Чем занимаются в Архиве; и еще Каменский сердится, зачем редко ездят... Там есть переводчики, которые не переводят, а переносят (старые столбцы). (Горчаков возил столбцы на рогожке!) Следовательно, из переводчиков делаются переносчиками или перевозчиками».